

Д. Н. КОПЕЛЕВ. НА СЛУЖБЕ ИМПЕРИИ.
НЕМЦЫ И РОССИЙСКИЙ ФЛОТ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА. СПБ., 2010

Проблематика, связанная с теми или иными вопросами социальной истории, в последнее время приобретает все большую популярность в отечественной литературе. Не оставалась в стороне как тема вооруженных сил, так и тема, связанная с изучением так называемого «немецкого влияния». Однако в историографии отсутствовала специальная работа монографического характера, посвященная социальной истории русского флота в контексте усиления влияния российских и остзейских немцев в правящем классе Российской империи. Работа петербургского исследователя Д. Н. Копелева призвана заполнить данный пробел. Рассмотрев многочисленные отечественные и иностранные работы, а также привлекая обширный архивный материал, автор сформулировал и решил поставленную им самим задачу. Судя по введению, автор «счел бы свою задачу выполненной, если бы ему удалось продемонстрировать, как формировались механизмы властного влияния немцев в имперских структурах, как действовали немецкие «сети доверия» и складывались профессионально-фамильные группировки, пронизывавшие флотский организм». И нужно оговориться сразу, что с конкретно этой задачей автор в целом справился.

Д. Н. Копелев рассмотрел биографии 736 морских офицеров «немецкого» происхождения (с. 117) и смог собрать обширный материал социо-генеалогического характера. Автором был сделан ряд важных наблюдений и выводов, касающихся проблемы

складывания и эволюции немецко-остзейской группировки на Балтийском флоте. Ему удалось подчеркнуть тот факт, что складывание этой группировки произошло в исторически сжатый период первой половины XIX в., поскольку в более раннее время количество остзейских немцев на русской военно-морской службе исчислялось единицами (с. 125). Автор также отметил неоднозначные механизмы складывания собственно дворянской остзейской корпорации, в которой достаточно четко выделялся «местный» и «пришлый» элемент (с. 194), поскольку социальная замкнутость остзейского сообщества никогда не была полной. Исследуя профессиональные и социальные корни морских офицеров немецкого происхождения, автор применил метод, хорошо зарекомендовавший себя еще в работе английского военно-морского историка М. А. Льюиса, вышедшей полвека назад¹. Этот метод заключался в подробном исследовании взаимосвязи между карьерным ростом офицера и происхождением его родителей. Правда, британский автор в этом вопросе продвинулся несколько дальше, поскольку привел более подробную статистику происхождения моряков еще и по «географическому» принципу². Нарисовав репрезентативную картину цифрового, должностного и количественного выражения «немецкого» присутствия на флоте (с. 124, 128–129, 244), Д. Н. Копелев смог перейти к более широким обобщениям. Во-первых, с точки зрения автора, налицо был процесс формирования «династийности». Во-вторых, данный процесс протекал в русле общей политики ассимиляции инородческих элементов внутри Российской Империи (с. 233, 236, 241). В-третьих, внутри самой «остзейской корпорации» происходило постоянное размывание старых, связанных с русской службой на протяжении нескольких поколений, фамилий за счет мощного притока «свежей крови» в лице немецких дворян совсем недавно имматрикулированных балтийским рыцарством (с. 114).

Правда, необходимо отметить тот факт, что автор невольно склоняется к той точки зрения, что патронат, семейственность и формирование династийности выступали едва ли не единственным мотором складывания слоя военно-морских специалистов, карьеры которых он исследовал (с. 288–289). Спорен и ряд других выводов Д. Н. Копелева — вроде утверждения, что создание адмиралом И. Ф. Крузенштерном в 1829 г. Офицерского класса

¹ Lewis M. A. *Social History of the Navy, 1793–1815*. London, 1960. Pp. 31, 45, 146–147.

² *Ibid.* P. 60–80.

при Морском корпусе³ являлось шагом на пути интеграции морских офицеров в «гражданское общество» (с. 139). В этом случае читатель будет вправе спросить: в каком же тогда контексте надлежит, например, рассматривать действия генерал-адъютанта А.-А. Жомини, увенчавшиеся открытием в Петербурге академии Генерального штаба в 1832 г.? По логике автора получается, что и в этом случае речь должна идти об интеграции в «гражданское общество» офицеров теперь уже императорской армии! Но не будем придираться к формулировкам, поскольку далее хотелось бы подчеркнуть куда более важный недостаток монографии Д. Н. Копелева, связанный с искусственным и немотивированным сужением исследовательской задачи.

Внимательный и вдумчивый читатель не может не обратить внимания на тот факт, что, несмотря на привлечение огромного материала по немецкой генеалогии и истории службы отпрысков остзейских фамилий, проблематика собственно истории флота осталась за рамками монографии. Формальных претензий к автору здесь быть не может, так как уже во введении он недвусмысленно указал на то, в чем он видит свою задачу. Речь может идти лишь о недостаточной обоснованности данного подхода. Чтобы увидеть это, необходимо подробнее рассмотреть библиографию, представленную в книге. Д. Н. Копелев, безусловно, владеет историографией вопроса и, в числе прочих, использует в своем исследовании, без преувеличения сказать, первоклассные британские и американские монографии по социальной истории английского флота⁴.

Какие же подходы используют иностранные исследователи в привычной для западного научного мира тематике социальной истории?! Мы можем последовательно рассмотреть три таких работы, следуя хронологическому принципу. Начнем с монографии Бернарда Кэпа, посвященной истории флота времен Протектората О. Кромвеля. Помимо чисто «социальных» аспектов, таких как: формирование офицерского корпуса, взаимоотношения офицеров и нижних чинов, проблема комплектования кораблей личным составом, проблема дезертирства и бунтов, поддержание

³ В 1877 г. Офицерский класс превратился в Николаевскую морскую академию.

⁴ Lewis M. A. *Social History of the Navy, 1793–1815*; Lewis M. A. *The Navy transition 1814–1864: a Social History*. London, 1965; Rodger N. A. M. *The Wooden World: An anatomy of the Georgian Navy*. Annapolis, 1986; Capp B. S. *Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648–1660*. Oxford, 1989.

дисциплины, наконец, модная сегодня тема существования человека в однополовом замкнутом коллективе, автор очень подробно затронул сюжет, связанный со становлением флота после Гражданской войны, с его профессиональным развитием при режиме Протектората, а также с проблемой его трансформации в ходе Реставрации Стюартов. Также Кэп рассмотрел интересующие Д. Н. Копелева вопросы nepотизма, семейственности и характера взаимоотношений патрон-клиент в условиях социального потрясения, вызванного пуританской революцией. Исследование Кэпа получилось именно комплексным, лишенным демонстративного «нежелания» рассматривать проблемы «большой истории». Британский автор на высоком профессиональном уровне показал механизмы взаимовлияния флотской и политической жизни. Более того, Кэп уделил внимание и чисто военной составляющей, сравнивая эффективность действий английского офицерского корпуса в ходе серии морских войн с Голландией, Францией и Испанией⁵. Автор, к примеру, наглядно показал, что снижение профессиональной эффективности британского флота во Второй Англо-Голландской войне, по сравнению с Первой, не в последнюю очередь было связано с издержками политики обеспечения лояльности флота в условиях Реставрации. В результате британский историк смог представить читателю всестороннее исследование сложной и масштабной проблемы, без искусственного перекоса в сторону «социальной истории» и так называемой «истории повседневности».

То же можно сказать и о монографии Роджера, которая затрагивает период середины XVIII в. и истории королевского флота в Семилетнюю войну⁶. Автор отказался от рассмотрения истории боевых действий, считая, что данный сюжет был вполне исследован Джулианом Корбеттом — выдающимся британским военно-морским историком и теоретиком⁷. Но в то же время Роджер, опять же в рамках «истории повседневности», поставил и решил комплексную задачу. В частности, Роджер на конкретном историческом материале смог доказать несостоятельность мифов о флоте XVIII в. как о «плавучем аде», где якобы полуголодные и бесправные нижние чины подвергались самым изощренным из-

⁵ Capp B. S. *Cromwell's Navy: The Fleet and the English Revolution, 1648–1660*. Pp. 1–11, 212.

⁶ Rodger N. A. M. *The Wooden World: An anatomy of the Georgian Navy*.

⁷ Corbett J. S. *England in the Seven Years' War: A Study in Combined Strategy*. New York, 1907. 2 vols.

девательствам со стороны начальства. Он показал исторические корни этих представлений, уходящие в Викторианскую эпоху, и нарисовал картину флота как исключительно сложной, дорогостоящей, технологически передовой, социально неоднозначной и профессионально эффективной военной машины.

Замыкает цикл написанная еще пятьдесят лет назад книга Майкла Льюиса, посвященная социальной истории флота эпохи войн Французской Революции и Империи, в которой «история повседневности» также оказалась органически включенной в ткань большого исследования по истории флота⁸. Читатель без труда заметит, что методологические основы изучения социального состава офицерского корпуса, его происхождения и профессионального становления были практически в точности заимствованы Д. Н. Копелевым именно у этого автора. Однако британский историк пошел значительно дальше, создав историю сложного института, обеспечившего Британии практически безраздельное господство на морях. Проследив на большом массиве первоисточников карьерный путь «среднестатистических» офицера и рядового моряка от рождения до гробовой доски, Льюис в то же время показал эволюцию британского флота как боевой силы, добившись смыслового соприкосновения с вопросами и проблемами, рассмотренными еще в монументальном исследовании А. Т. Мэхэна⁹.

Таким образом, даже самый поверхностный взгляд на достижения зарубежной историографии в данной области доказывает возможность успешного синтезирования в рамках одного исследования проблем «социальной истории», «истории повседневности» и комплексного рассмотрения самых широких сюжетов военной истории. Остается лишь сожалеть о том, что Д. Н. Копелев, тщательно собравший и обобщивший огромный материал по остзейской генеалогии и карьерному пути сотен морских офицеров немецкого происхождения, изначально ограничил себя на самом деле не существующими рамками. Приходится констатировать, что «большая история» русского флота первой половины XIX в. все еще ждет своего исследователя.

Алексей Кривопалов

⁸ Lewis M. A. Social History of the Navy, 1793–1815.

⁹ Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и Империю (1793–1812). СПб., 2002.